Текст · 20 декабря 2024, 08:55
Павел Васильев,

«Стыд, гнев, сочувствие». История россиянки, переводившей доклад ООН об убийствах в Буче, — она уехала в США и стала обвиняемой по делу об участии в «нежелательной» организации

Красноярка Раиса Бойко — переводчица и бывшая преподавательница английского языка в Сибирском федеральном университете. Осенью 2022 года она с семьей уехала в США: мужу грозила мобилизация, а отношения с родителями, поддержавшими войну, все равно были испорчены. Бойко известна тем, что работала над русской версией доклада ООН об убийствах мирных жителей в Буче. Спустя два года на переводчицу составили протокол об участии в «нежелательной» организации из-за поста во «Вконтакте», в котором она писала об антивоенном митинге в Майами. Позднее суд оштрафовал эмигрировавшую россиянку на пять тысяч рублей. Бойко рассказала «Медиазоне», как распространяла антивоенные листовки и фотографировала могилы погибших военных, пока оставалась в России, как они с мужем и ребенком переехала в США и что ее больше всего поразило в отчете о преступлениях российской армии.

«Об аннексии Крыма я узнала из мема "Няш-мяш, Крым наш"». Политика и семья

В силу семейных обстоятельств мне свое мнение не позволено было иметь. Мама бесконечно говорила: «Ой, политика — грязное дело». Потом, правда, когда война началась, я очень обиделась на нее, что она, оказывается, фанат провоенных телеграм-каналов, и политика ее все же интересует.

К примеру, об аннексии Крыма я узнала из мема «Няш-мяш, Крым наш», но не поняла, что происходит, мозгов не хватало. Потом я встретилась со своим мужем. Он когда-то с нацболами тусовался на митингах в Красноярске и Москве. Он мне со своим большим опытом митингов и политического активизма Навального показал, «Эхо Москвы» показал — и потихонечку-потихонечку я сформировала свое мнение насчет политики российских властей.

Появился ребенок. В декрете я много слушала *YouTube,* а он был весь политический. Навальный был хорош тем, что он как репетитор по политике, когда тебе основные истины потихонечку вдалбливают — последовательно и связно. От Навального веяло силой, что у тебя есть право на свое мнение, а сама политика — дело практическое и законное.

Первый раз я участвовала в протестах, когда Навальный объявил о возвращении в Россию из Германии после отравления. Я вспоминаю Навального под портретом [Генриха] Ягоды, когда он смотрел в камеру и говорил: «Выходите не за меня, выходите за себя и за свое будущее». И я себе тогда говорю: «О, черт! Кажется, пора выходить за себя». И мы сначала ходили на протесты втроем: я, двухлетний ребенок и муж. После я ходила вдвоем

с ребенком, иногда пыталась звать друзей. Люди нередко отказывались, потому что было страшно.

Когда Навальный прилетал, мы повесили плакат на балкон, очень завуалированный: «Вы чего все? Леха едет». Типа как вам всем может быть так индифферентно, если Алексей Навальный возвращается. Вскоре после этого в квартиру пришли менты и потребовали плакат им отдать. А потом, накануне одного из протестных митингов, приходили еще раз — с выписанным предупреждением[1] на имя мужа, чтобы он на митинги не приходил.

Еще я делала всякие подпольные штучки.
Был [Владимир] Милов, который собирал базу переводчиков, чтобы свои ролики переводить. Я туда добавилась. С тех пор я иногда переводила их видео. Сейчас, правда, они редко это делают. Или Феминистское антивоенное сопротивление (ФАС) призывало помочь, если есть навыки дизайнера. Я не дизайнер, но люблю в фотошопе баловаться.

Первый раз свои взгляды я озвучила папе. У нас папа — любитель агрессивной пропаганды и конспирологии. В какой-то момент я устала его слушать. И вот мы сидим все вместе, какое-то зимнее время — околоновогодняя тусовка. И я что-то в запале такого драйва веселого сообщаю папе, что я поддерживаю Навального, финансирую Навального и работаю на Навального. Короче, что я активно участвую в оппозиционной работе. С тех пор папа две недели меня мучил желанием переубедить, не отпускал бесконечными звонками, и я его заблокировала везде. Он глубоко обиделся, и с тех пор со мной не общался.

«Было ощущение, что я госизмену совершаю». Активизм во время войны

Муж мне до этого говорил: «Война будет». Я представить этого себе не могла. В Харькове, например, кто-то платит ипотеку за хрущевку, а в нее влетает ракета. Это невозможно представить, не рационализируется такое.

В последующие после начала вторжения дни я много писала и обсуждала произошедшее с друзьями и знакомыми. Многие рассказывали, что хотели самовыпилиться, потому что невыносимо стыдно [за действия российских властей], другие думали, как бы уехать на фронт воевать на стороне Украины.

Фото: личный архив Раисы Бойко

Сама я разбрасывала по почтовым ящикам антивоенные листовки — в своем подъезде и в соседнем. Часть листовок оставила в тележках в супермаркете. Еще я фотографировала машины с буквой *Z* — это как личное оскорбление, что ли, воспринималось, они меня прям злили каждый раз. И я решила сделать архив этих автомобилей с *Z*-символикой, постила это в своей телеграм-канал. Думала, что когда-нибудь кто-нибудь в архиве фотку с номером найдет и застыдит водителя.

Через какое-то время после начала войны я обошла красноярские кладбища в поисках могил погибших в Украине российских военных. Завела *Excel*-табличку, насчитала в Красноярске и близлежащих городках десять кладбищ. Думаю, пока ребенок в садике я смогу это все объехать. Было тревожно по кладбищам могилы искать с фотоаппаратом, он у меня еще такой на вид увесистый. Фотографии я потом отправляла в СМИ, возможно, даже «Медиазоне» что-то.

Было ощущение, что я госизмену совершаю, то есть государству явно очень неприятно, что ты обнародуешь то, что они пытаются спрятать.

Вот смотришь на этих умерших людей и не знаешь, то ли тебе их ненавидеть за то, что они в этом всем участвовали, то ли жалко, что жить могли еще, и как-то это все несправедливо. И все это ассоциируется с тем, что у тебя жизнь рушится.

Когда война началась, я написала маме, надеялась, что если мама скажет, что война — это плохо, то война остановится. Какая-то вера в это была. Но мама сказала: «Ну, че, у меня другая информация». В конце

говорю: «Мам, блин, ракеты летят, все дела, все плохо, война настоящая». Она говорит: «Ну, жалко, конечно, украинцев. Но вообще это же все США, гегемон» и вот это вот весь трэш. С тех пор отношения с родителями так себе.

«Отъезд наш оскорбил очень многих». Эмиграция

Еще в феврале 2022 года муж хотел взять кредит на еще одну машину. Хорошо, что ему отказали. Мы выплатили ипотеку, жили в квартире, в которой сами сделали ремонт клевый. И, кажется, были готовы спокойненько растить ребеночка. Может, о втором думать. В то же время крыша текла от тревоги, от всех этих новостей. Ну, а тут мобилизация — вот и уехали. С другой стороны, я всегда хотела попробовать жизнь за границей. Меня вдохновляли путешествия и люди, которые встречались в поездках. Но начинать жизнь в другой стране с нуля очень непросто.

Когда объявили мобилизацию, мужу из университета звонят и говорят, что вот вам повестка. Спрашивают: служил, не служил. Он не служил, и ему сказали, что повестка пока в столе полежит, ему ее в итоге не выдали. Но при этом сказали, что и брони никакой ждать не стоит.

И тогда он выписал мне доверенность на продажу квартиры. Я взяла кредит — 100 тысяч рублей на билет. И он в дни так называемых референдумов в Луганске и Донецке выехал в Турцию. Было очень страшно, что вдруг границы закроют. И я думаю: «Выпихну его [из страны], а там дальше сама». А

мы с ребенком продали машину, продали квартиру и выехали к нему в Турцию. 1 октября [2022 года] выехал муж, 30-го я с ребенком. А еще через месяц мы через Мексику попали в США и попросили политического убежища.

Когда уезжала, думала, как бы маме об этом сказать. Наверное, с пляжа сообщить, чтобы типа в путешествие уехала, наврать ей. Мама узнала о нашем отъезде до того, как мы уехали из страны, когда ей подруга скинула фотографии нашей квартиры, выставленной на продажу. Чувствовалось, что ей стремно и неприятно, что в ее семье предатель Родины завелся.

Поселились мы в Майами, в комнате родственницы мужа, жили там втроем. Полгода ждали разрешения на работу.

Я нашла себе работу с переводами текстов и документов. Многим нужна помощь и языковая поддержка. Бюрократию или какие-то дела не вывозят из-за того, что английского не знают. И сейчас вот уже спустя два года набрала достаточную базу клиентов. Муж устроился в салон по ремонту телефонов.

Фото: личный архив Раисы Бойко

С января 2023 года иногда захожу на подпольные штабы Навального[2] в браузере *Tor:* то листовки нарисуешь, то письмо местным конгрессменам напишешь. Несколько раз звонила с агитмашиной Навального[3]. Очень приятно

слушать голос Навального, когда пытаешься под видом соцопроса дозвониться до опрашиваемых, но я не выдерживаю полчаса-час автоответчика. Антиспам-роботы отвечают, люди бросают трубку.

С одной стороны, мы представляем, что, возможно, можно было бы вернуться, особенно, когда издалека ностальгия ударяет, но дома немножко пугает фашизм. Люди, если и возвращаются, то туда, где семья, туда, где друзья, туда, где работа. У нас работа в университете была, а завкафедрой — очень провоенная. Она каждому новому секретарю, как коллеги пишут, садится и рассказывает, какие семья Бойко предатели Родины. Отъезд наш оскорбил очень многих.

Вынужденность отъезда скрашивала открывающаяся возможность говорить. Дома был цикл: власть творит

дичь, я злюсь — выражаться страшно. Подавляла злость страхом. Заедала или решалась выразиться витиевато. Получала разрядку, если придумывала подпольный активизм. После отъезда был восторг от того, что мне ничего не будет за слова от государства. Но при этом жесткий хейт от мамы, ее подруг, родни, моих знакомых вызывает стыд — триггерит сильно перед каждым постом. Напоминаю себе, что должна говорить за тех, кто остался. А оставшиеся потом подают знаки, что рады тебя слышать.

«Свирепеешь и начинаешь беззащитных людей мочить». Перевод доклада о Буче

На объявление о том, что для перевода доклада ООН на русский язык требуется переводчик, наткнулся муж в одном из чатов. Я отозвалась. Я бы такую работу и волонтером сделала в принципе, но они предлагали оплатить. Оговорили сумму за объем — 240 долларов, их устроило.

Это была хорошая, достойная оплата, но не какая-то космическая. Я тогда еще не знала[4], что *Russian America for Democracy in Russia* («Русская Америка за демократию в России») — «нежелательная» организация. Против публикации своего имени как автора перевода я не возражала.

К тому моменту о Буче, конечно же, все знала, включая подробности внесудебных казней. В докладе было обобщение, что не только Буча, а вся Киевская область — познакомьтесь с такими словами, как Ирпень, помимо слова Буча.

И там были перечислены очень сухим, формальным, ясным языком случаи изнасилований, казни, избиения. То есть радикально нового ничего нет, потому что я пристально следила за новостями. Но если агрегировать информацию, то классно почитать доклад, все понятно будет. Можно не тратить десять часов на просмотр новостей того времени.

Самое яркое в истории с Бучей для меня было, когда «Важные истории», дозвонились до чувака, который рассказал, что убивал [мирных жителей]. Тебе страшно, что на тебя идут [украинские войска] из Киева выбивать из Бучи и Ирпеня, поэтому ты свирепеешь и начинаешь более беззащитных людей мочить, издеваться и истязать. Есть ощущение, что наблюдаешь издевательство над заложниками. Читая доклад, переживаешь и стыд и гнев, и сочувствие.

О протоколе[5] об участии в «нежелательной организации» мне рассказала «Медиазона». Я в шоке была, потрясена. Должна была быть морально готова, но оказалась не готова. Полдня трясло.

С бытовой точки зрения на уголовку плевать. Очевидно, что возвращаться на родину небезопасно, хоть с уголовкой, хоть без нее. *Russian America for Democracy in Russia* настояла посоветоваться с правозащитниками. Мне сказали, что люди ходят и с несколькими административными протоколами

об участии в «нежелательной», а в уголовку это не перерастает. По итогу разговора решила, что пусть сами себя судят за что хотят. Я больше закрывать рот себе не буду.

Редактор: Анна Павлова

Исправлено 28 декабря 2024 года. Изначально в тексте говорилось, что протокол на Раису Бойко составили из-за перевода доклада о Буче, как предполагала сама россиянка. После публикации решения на сайте суда стало известно, что поводом для преследования переводчицы был ее пост в соцсети. В связи с этим был изменен заголовок. Приносим извинения за ошибку.

---

1. Предостережение о недопустимости нарушения закона.

2. Проект команды Навального «для тех, кто противостоит Путину». Судя по описанию проекта, на платформе Штабов команда Навального размещает различные задачи: от простых — вроде расклейки листовок до более сложных, «для которых нужны профессиональные навыки и командная работа».

3. Агитмашина Навального — проект команды политика, запущенный в 2023 году в преддверии президентских выборов, суть которого состоит в том, чтобы обзванивать россиян и агитировать их против Путина и российской власти. Проект продолжил существовать и после выборов.

4. Перевод доклада о Буче был опубликован в январе 2023 года, когда «Russian America for Democracy in Russia» еще не была признана «нежелательной». Этот статус российские власти присвоили организации в конце ноября.

5. 12 декабря Железнодорожный районный суд Красноярска оштрафовал Раису Бойко на пять тысяч рублей по статье об участии в деятельности «нежелательной» организации. Поводом для составления протокола на переводчицу стал один из ее постов на своей странице

«Вконтакте». Сейчас этот пост удален, но как следует из решения суда, в нем Бойко писала об антивоенных митингах, в которых участвуют россияне, перебравшиеся в США, и прикладывала фото с публичных акций.